

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1986 ISSN 0433-1940

МУРЗНАКА

ВОЛШЕБНОЕ ДЕРЕВО ДРУЖБЫ

Ирина ЗАРАХОВИЧ

Минувший летом Москва радушно принимала делегатов и гостей XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Были среди них и участники детской программы: сами ребята и старшие их друзья — учителя, врачи, писатели.

О чём же говорили делегаты? В моём блокноте сохранились записи десятков выступлений. Я приведу лишь строчки: «Сегодня в мире 145 миллионов мальчиков и девочек заняты непосильным трудом. Их используют как дешёвую и послушную рабочую силу».

«В Таиланде дети начиная с 8-лет-

1 ИЮНЯ —

МЕЖДУНАРОДНЫЙ

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

С «Миром», 1989 г.

фото А. РОГОЖКИНА

него возраста работают по 18 часов в сутки, в Бразилии трудятся на плантациях сахарного тростника, в Гонконге — в электронной промышленности».

«Спасаясь от захватчиков, население в некоторых странах Южной Африки было вынуждено покидать родные места. Дети блуждали вместе со взрослыми и погибали от болезней, тонули в реках, умирали от голода...»

Так говорили с трибуны взрослые. А дети? С какими мыслями приехали на фестиваль они?

Мы встречались с ними в лагере «Олимпиада» в подмосковной деревне Ивакино. Ребята из 43 стран, говорящие на разных языках, освоились здесь сразу же как дома. Они играли в пели, состязались на спортивных площадках, устраивали весёлые карнавалы, концерты, конкурсы. У вечерних костров делились мечтами, тревогами.

Маленький серьёзный Сайто из японского города Саппоро — его фото на

второй странице — говорит, что ненавидит войну. Сейчас-то в его семье все здоровы. Но сколько людей в Японии заболевают внезапно. И умирают. Это всё следы тех страшных бомб, что сбросили американцы на Хиросиму и Нагасаки. Сайто научил своих новых друзей делать бумажных журавликов. В Японии журавлик — символ счастья и мира.

Большеглазый смуглый киприот Лонзос всё время занят. Это видно и на фото. Он рисует. Рисует плакаты о мире. Рисует на память друзьям свой любимый Кипр. Рисует на асфальте дикий цвет. Стебель у цветка длинный-длинный. Это для того, чтобы разместить на нём как можно больше веточек и листьев. А в листьях нарисовать весёлые лица. Розовые. Жёлтые. Чёрные. А глаза голубые; карие, зелёные. Сначала вроде бы просто фантазия. А присмотришься — это лица ребят из «Олимпиада». «Мои друзья! — говорит Лонзос. — Это дерево дружбы и мира». Как хорошо он придумал! Недаром рисунки мальчика были отмечены премией на международном конкурсе.

Тоненькая гибкая Ника из Венгрии очень любит гимнастику. Она хочет, чтобы все девочки на земле могли заниматься любимым спортом, быть здоровыми и... красивыми. Ну, конечно же, красивыми. Какая девочка не мечтает об этом!

И она, и Сайто из Саппоро, и Лонзос с Кипра, и все-все обитатели «Олимпиада» больше всего на свете хотят мира. Тогда сбудется всё. Отступят чёрные тени Хиросимы. Все дети земли смогут дружить, как на рисунках киприота, а все девочки и мальчики расти здоровыми, стройными и прекрасными, как маленькая Ника.

*Рисунки Дана Тхи и Ни (Вьетнам).
Иветты ДЭБРЕКЕ (ЧССР).
Дана ИШМАМЕТЬЕВОЙ (СССР).
Дана КОСТАДИНОВОЙ (Болгария).
Адама АДАМНЕВИЧА (Польша)*

МОЛОДЕЦ! СМЕЛАЯ ДЕВОЧКА

Так говорят о Тани Амозовой её одноклассники из Новинской средней школы Владимирской области.

Таня награждена медалью «За спасение утопающих». Она не растерялась, проявила смелость и находчивость.

Было это в начале зимы. Пруд ещё не замёрз как следует, а третьеклассница Ира решила прокатиться по льду. Лёд треснул — Ира стала тонуть!

Никого из взрослых поблизости не было...

Таня услышала крик о помощи и бросилась к пруду. Страшно было ступить на тонкий лёд. Таня по-пластунски подползла к барахтающейся девочке и ухватилась за обледеневшую одежду. Откуда только у неё силы взялись? Вытащила она девочку на берег. А поднять её, как ни старалась, уже не смогла. Тогда Таня побежала домой. Вместе с мамой они привели Иру к себе, отпилили чаем.

Когда Ира ошмыгалась, разглядела Таню, то очень удивилась: «Ты такая маленькая, даже меньше меня!»

Действительно, можно было удивить-

ся — ведь Таня тогда только пошла в первый класс.

Недавно Таня Амозова побывала в Москве. Вместе с другими ребятами она приветствовала делегатов XXVII съезда КПСС.

А когда Таня вернулась в свою школу, в октябрятской группе был большой праздник — многих октябрят принимали в пионеры.

Алеет красный галстук теперь и на груди у Тани. Она этого достойна.

Людмила ПРУНЦОВА

Фото В. ГУСЕВА

ХРАБРЫЙ ЦЫПЛЁНОК

Задание было необычным — перевезти с Сахалина на Камчатку цыплит. К самолёту их привезли в больших ящиках и стали заносить в грузовую кабину. Сразу же наш самолёт стал напоминать птицеферму: писк, шум, гам.

Минут через двадцать после взлёта случилось небольшое происшествие. Один из ящиков раскрылся, и цыплита через открытую дверь хлынули в пилотскую кабину. Через секунду она стала напоминать поляну, усыпанную живыми одуванчиками. С писком цыплята

носились взад и вперёд, некоторые из них пытались запрыгнуть даже на сиденья.

Тотчас же следом в кабину влетела худая, с пронзительно тонким голосом сопровождающая и начала ловить цыплит, водворяя их обратно в ящик. Цыплята носились как угорелые. Один из них вырвался из рук и заскочил ко мне на колени.

— Ишь какой шустрый, а ну на место! — крикнула сопровождающая и хотела схватить цыплёнка, но я остановил её, хотелось посмотреть, что же он будет делать дальше.

Цыплёнок, недолго думая, перепрыгнул на штурвал и, растопырив для устойчивости короткие крылышки, двинулся к левой руке, но тут по пути ему попалась красная кнопка выключения автопилота. Он остановился, посмотрел на неё сверху и стал долбить тоненьким коротким клювом.

— Сразу видно — старый пилотяга, — рассмеялся бортмеханик, — хочет перейти на ручное управление.

Мы накрошили нашему «пилотяге» хлебных крошек, налили в чашечку воды. Цыплёнок поклевал крошек, попил воды, затем потряс крылышками, потянулся и заскукал. Бортмеханик унёс его в ящик к остальным цыплятам.

Из Южно-Сахалинска мы вылетели поздно — под заход солнца. Пока набирали высоту, пока собирали цыплит, вышли на Курильские острова и, оставаясь чуть в стороне Полярную звезду, пошли на Камчатку.

Слева раславленным шоколадом блистало Охотское море. Далеко, на самом горизонте, красной подковкой уходило под воду солнце. Справа была уже ночь, она выползала из чёрного необъятного провала Тихого океана. Острова шли шепочкой один за другим, и нам временами казалось, что через море бредёт стадо, разделяя собой день и ночь.

Вскоре проклюнулись звёзды, они, как маленькие жёлтые фонарики, опустились сверху и светились всё ярче и

ярче. И мне на секунду показалось, что это не звёзды, а щиплята, которых кто-то оставил без присмотра, они выскочили из ящика и разбежались по всему небу.

Коротка летняя ночь. К Петропавловску-Камчатскому мы подлетали уже утром. Небо впереди посветлело, стало сиреневым, затем, накаляясь и расплываясь в стороны, поволокло по горизонту алая полоска. И вот уже ярко брызнуло солнце, и впереди по курсу за-

блестел заснеженный конус вулкана. Чуть правее и ниже показался ещё один. Над ним курвился лёгкий дымок. Это были Корякский и Авачинский вулканы. А на земле была ещё ночь, хорошо были видны огни города и порта, а серая гладь Авачинской губы напоминала гигантский, заполненный пеплом ковш.

Через полчаса мы были на аэродроме. Нас уже ждали. К самолёту подъехали машины. И сразу же, словно по команде, зашевелились, запищали щип-

лята. Я смотрел на мелькающие в руках грузчиков ящики и пытался разглядеть того храброго шпылёнка. Уж очень он мне понравился, и даже взгрустнулось, что я уже никогда не увижу его.

Когда мы собирались вылетать домой, бортмеханик заговорщически поманил меня и показал глазами на ящик, в котором хранилось самолётное имущество. Там как ни в чём не бывало раскачивал знакомый шпылёнок.

— В угол забился. Я чехлы доставать стал, слышу, пищит кто-то. Поправилось ему, видно, летать, вот он и сбежал.

Пришлось везти шпылёнка домой. Рос он быстро, и к концу лета вырос в красивого белого петуха. Целыми днями он посидел по двору, разгаскивая жучков. Но была у него маленькая странность — невзлюбил он нашу соседку тётю Лиду, которая крикливым своим голосом, видимо, напоминала сопровождающую. Войдёт во двор соседка, а он бежит, сердито топает, бросается на неё, не пускает в дом. А потом встанет посреди двора, вытянет голову и смотрит на соседских кур сыска: «Вот, мол, я какой храбрый».

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

В конце июня нас направили в Читу тушить лесные пожары. Над городом стояла згла, дым от тайжных пожаров закрывал небо, и солнце, такое яркое в летнюю пору, проглядывало точно через переводную картинку. Мы едва разыскали посадочную полосу.

В Читу со всего Советского Союза прибыли парашютисты-пожарные. Юркие маленькие самолёты тотчас же забирали их и увозили в тайгу. Воду на пожары пытались возить даже на вертолётах, но огонь не унимался, особенно сильно горел лес вокруг курорта Дарасун.

В гостинице лётчик-наблюдатель рассказывал, что среди лесных зверей поднялся большой переполох. Снялись со своих мест медведи, олени, лисички, белки и прочие зверюшки и, не разбирая дороги, бегут в сторону от пожаров. Некоторые из них забегали даже в посёлки. И точно в подтверждение своих слов он показал нам чёрного воронёнка, который сидел у дежурного на подоконнике и, нахохлившись, смотрел на улицу.

— Парашютисты привезли. Гнездо сгорело, а он ещё маленький. Летает плохо. Сидел, говорят, под деревом, головой вверх. Чуть не пропал бедняга. Мы его Ибрагимом назвали.

«Бедный Ибрагим», — подумал я. — Ещё и летать путём не умеешь, а уже, как и мы, по гостиницам».

Лесные пожарные очень надеялись на нас, потому что наш самолёт оборудован специальной установкой для запуска ракет, при помощи которых вызывают искусственный дождь.

На пожары мы вылетели после обеда. С высоты они видны отчётливо: жёлтый ядовитый дым, красные языки пламени. Нижний край облаков начинался

на высоте трёх километров. Некоторые облака образовались от дыма, они блестят, как айсберги, границы у них резкие, чёткие. Как правило, они сухие, и стрелять по ним — пустое дело.

Медленно поднимаемся вверх. Справа и слева от самолёта белые стены, они отвесно ползут куда-то вверх. На высоте шести километров выбираемся на свободное пространство. Внешние облака напоминают животных: крокодила, медведя, лося. Внизу меж облаков видна земля, жёлтые пятна пожаров, серые тельца деревушек. Где-то среди этих пожаров было и гнездо Ибрагима. Теперь его нет — сгорело. Но ещё осталось много других гнёзд. Их надо было сберечь.

Мы отыскиваем «мокрое», насыщенное влагой облако. Разыскать его просто: при полёте вокруг самолёта образуется розовый круг перламутровая пыль разлетается веером в разные стороны. Штурман делает необходимый расчёт — дождь должен точно накрыть пожар. Кажется, облако дышит, самолёт начинает подпрыгивать точно мы выехали на неровную дорогу. Самолёт пронесётся рядом с облаком. Лётчик-наблюдатель выпускает ракеты. Слышны глухие хлопки. Ракета за несколько секунд разбрасывает миллиарды мельчайших частиц йодистого свинца. Через пять-десять минут вокруг них образуются маленькие капли воды. Отяжелев, они полетят вниз, соединяясь с другими.

Расстреляв все ракеты, снижаемся. Облако теряет своё очертание, размывается, оседает. Идёт дождь, по стёклам кабины тянутся водяные нити. Вот они уже достигли земли и накрыли огонь. А мы торопимся в Читу зарядить ракеты.

Через неделю пожары были потушены. Мы стали собираться домой. И тут узнали, что Ибрагим улетел. Дежурная оставила открытым окно — его только и видели.

Рис. Н. УСТИНОВА

КАК ДЕВОЧКА ТАНЯ ЗАГОРАЛА

Она должна весь день сидеть,
А не лежать часами.

Проходит мимо детвора
И шепчет то и дело:
— А эта девочка вчера
Почти совсем сгорела!

Рис. С. ДЕНИСОВА

Сергей МИХАЛКОВ

Забыла Таня про обед,
С друзьями не играет —
Ей до подруг и дела нет:
Лежит и загорает.

Она мечтает загореть,
Чтоб чёрным стало тело, —
Ведь будут на тебя смотреть,
Когда ты загорела.

Какой-то в плавках старичок
Ей крикнул: — Эй, Косичка!
Ты в этом деле новичок!
Смотри, сгоришь, как спичка!

Она пример не хочет брать
С тех, кто даёт советы.
— Отстаньте! Буду загорать! —
Вот все её ответы.

«Пусть мне лежать уже невмочь,
Но я с песка — ни шагу.
Я не уйду отсюда прочь
И под навес не лягу!»

Лежала Таня. Время шло.
Народу меньше стало.
Не так уже и солнце жгло,
А Таня всё лежала.

Здесь даже трудно описать
Все муки и страдания,
Когда пришлось её спасать
Всем прочим в назиданье.

Теперь ей платья не надеть
И, посудите сами,

ПАМЯТ- НИК ПЕКАРЮ

РЖАНОЙ ХЛЕБУШКО- КАЛАЧУ ДЕДУШКА

А. МИТЯЕВ

Известно имя пекаря древнего мира — Марк Вергилий Эврисак. Ему и его жене Атистии в итальянском городе Риме стоит памятник. Воздвигнут он ещё до нашей эры, две с лишним тысячи лет назад.

Эврисак был из семьи потомственных пекарей и мукомолов. Семья жила в Греции, потом переселилась в Рим и построила там пекарню (Прежде римляне пекли хлеб каждый для себя и кто как умел.)

Скульптор изобразил на памятнике не только чету пекарей, но и всё Эврисаково производство. При пекарне, как видно на мраморном фризе, была мельница. Рабы с помощью рычагов вращали каменные жернова и растирали зерно в муку. Муку просеивали на ручных ситах. Тесто месили машиной, которую приводила в действие лошадь. Восемь рабов делили готовое тесто на куски и сажали в печь. Пока хлеб пёкся в одной печи, другую нагревали — работа шла круглые сутки. Готовый хлеб взвешивали, в корзинах относили заказчикам.

В те времена Рим жил бурной жизнью. На суше и на море не было страшней грозы, чем римские легионеры. Вооружённые мечами и копьями, с баллистами и катапультами, они побеждали в полевых сражениях, брали приступом крепости. Но хлеб Эврисака был так хорош, что слава воинов и полководцев должна была потесниться, чтобы дать место и славе хлебобойков. О первой римской пекарне рассказывает в своей «Естественной истории» Плиний Старший.

ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ

ХЛЕБО- ПЕКАРНАЯ СИЛА

ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ

Сам знаменитый Эврисак не испёк бы вкусного хлеба, если бы не было у него нужной муки. Не всякая пшеница пригодна для хлебопечения.

Сортов пшеницы великое множество. Одни растут на равнинах, другие на горных полях. Одним нужно жаркое лето, другие вызревают при умеренном тепле. Одни боятся засухи, другие боятся дождей.

У одних соломина чуть ли не в рост человека, у других лишь до колена. Есть пшеница с белыми зёрнами, есть с жёлтыми, с красными и даже с зёрнами-шариками, как мелкий горох...

Но все пшеницы, всё их великое множество, чётко делятся на твёрдые и мягкие.

У твёрдых пшениц зерно твёрдое, стекловидное на изломе. Такую пшеницу Эврисак не покупал. Хлеб из муки твёрдой пшеницы не печут. Эврисак покупал для своей пекарни мягкую пшеницу.

Но и мягкие пшеницы неодинаковы по свойствам муки. Они, в свою очередь, тоже делятся на сильные пшеницы и слабые пшеницы. Грек Эврисак искал у торговцев сильную пшеницу. И когда рабы перетаскивали такое зерно в подвалы пекарни, пекарь был уверен — римляне не будут кидать в него его же хлебом.

Сильная пшеница обладает хлебопекарной силой. Сила эта в большом количестве белка в зерне — в клейковине. Без клейковины мякиш не будет пористым и упругим.

Каким способом Эврисак отличал сильную пшеницу от слабой? Возможно, он на пробу промывал в воде кусочек теста. Крахмал смывался водой, в пальцах пекаря оставался упругий комочек — клейковина. По величине комочка, по его упругости, тягучести, эластичности Эврисак мог судить о качестве муки.

Лучшая мука на треть состоит из клейковины.

Зачем сеять всякие пшеницы, если хороший хлеб получается из сильной мягкой? Сеяли бы её одну.

Во-первых, только мука твёрдой пшеницы годится на макароны, лапшу, вермишель, манную крупу. Если сделать макароны или вермишель из муки любой мягкой пшеницы, то при варке мы обнаружим в кастрюле мучную болтушку. Макароны, вермишelles разварятся и развалятся.

Твёрдые пшеницы малоурожайные. Но если их не сеять, мы останемся без макарон и лапши.

Во-вторых, одна треть муки сильной пшеницы, прибавленная к двум третям муки слабой пшеницы, делает всю смесь годной для выпечки хлеба. А слабую пшеницу растить проще, чем сильную. Она даёт хороший урожай и на посредственной земле.

Мне нравятся маленькие герои поэта Георгия Ладонщикова. Убирают двор и сад, ходят за ягодами. Мальчик, у которого поломался самолет, чинит его сам: «Гвозди взял и ножик. Кто захочет — сможет!» Про таких поэт говорит и по-другому: «У кого работа есть, тот не станет в драку лезть!» Правильно, не станет.

Георгий Афанасьевич — любимец детвора, добрый и скромный человек. Ему только что исполнилось семьдесят лет. Вот случись побывать на Смоленщине, где он родился, и, кажется, узнал бы деревню Каменку, что «обвила когда-то солнечный бугор». Георгий Афанасьевич был в крестьянской семье тринадцатым. Знал, что такое нужда. Писал и рисовал с восьми лет. Пройшел войну радужным бойцом. Партизаном. Четверть века сочиняет стихи для детей.

Когда-то мы выступали с дедушкой Егором — он сам себя так называет — перед ребятами. Городским детям он читал о сельских. «Боря стог сложить помог, сам со стога слезть не смог. Плачет Боря, слезы льёт — просит вызвать вертолёт». Ух, как все смешалось! А один мальчик сказал: «Боря хороший».

И стихи тоже хороши!

Владимир ПРИХОДЬКО

ГЕОРГИЮ

АФАНАСЬЕВИЧУ

ЛАДОНЩИКОВУ —

70 ЛЕТ

РЕДАКЦИЯ

И РЕДКОЛЛЕГИЯ

ПОЗДРАВЛЯЮТ

ЮБИЛЯРА

Г. ЛАДОНЩИКОВ

С ДОБРЫМ

УТРОМ!

Встало солнце над горою,
Мрак ночной размыт зарёю,
Луг в цветах, как расписной...

С добрым утром,
Край родной!

Шумно двери заскрипели,
Птицы ранние запели,
Звонко спорит с тишиной...
С добрым утром,
Край родной!

Люди вышли на работу,
Пчёлы мёдом полнят соты,
В небе тучки — ни одной...
С добрым утром,
Край родной!

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

Терпеливо, долго
Вышивает Катя
Разноцветным шёлком
Для сестрёнки платье.
Кажется, что вышивка
Скоро оживёт.
На вышивке
Из рыжика
Синичка воду пьёт.

РАЗГОВОР О ПТИЦАХ

Как-то Петя Борю встретил.
Стал хвалиться Боря Пете:
— Ух, я знаю много гнёзд!
Знаю, где щегол, где дрозд,
Знаю, где живут сычи!..
— Если знаешь — помолчи!
Не болтай! —
Заметил Петя, —
Будь полезен им хоть этим!

ОБМАНУЛА

Облака плывут куда-то,
Над рекою тишина.
Вовка вместе с младшим братом
Ловит рыбу.
Вот она!
Поплавок нырнул под берег.
Дёрнул удочку рыбак.
Как же так?
Глазам не верит:
На крючке его червяк.
«Хороша была поклёвка!
Что же рыба не взяла?
Знать, умка, —
Подумал Вовка. —
Или опытна была».
А братишка хвалит Вовку:
— Молодец, не прозевал!
Как ты здорово,
Как ловко
Червяка в реке поймал!

Рис. О. МОНИНОВ

ВЛАДЯ ЗЯБКИН и ЕГО ТРЕНЕР

РЕЦЕПТОМ МИХА
ИЛА КОРЩУНОВА

Есть в классе Вади Зябкин. Зябкин — и этим всё обозначено: худенький, любящий и в очках. И конечно, не водолавающий, потому что боится воды. В стакане с чаем захлебывается, в ложке с супом утонуть может.

Водобоязнь.

Когда на воду смотрит, очки снимает, чтобы её не видеть. А надо учитывать, что на планете воды больше, чем суши. Взгляните на карту: сколько синего — воды всякой, и сколько зелёного или там жёлтого с коричневым — суши, значит, всякой. По суше люди ходят, во воде плавают. Так что плавать необходимо, как и ходить. Уметь передвигаться по воде. Самостоятельно.

Есть в классе Изот Кораблёв. Полная противоположность Вадике. И внешне, и в отношении воды.

Однажды Изот приказал Вадике:

— Подплыви со мной на водоём.

То, что Изот Кораблёв называл водоёмом, было всего лишь небольшим прудом, а может быть, и озером, но, одним словом, — вода: синее, а не зелёное или жёлтое с коричневым.

— Буду приучать тебя к воде. В лагерь ехать, а ты не плаваешь.

— Не плаваю, — безнадежно кивнул Зябкин.

— Надо смыть позорное пятно.

— Я могу и с пятном в лагерь...

— Школа не может. Ты у меня поплывёшь.

Вадя Зябкин от страха сморщился весь и совсем синя, зазлб.

— Утопу.

— Несколько раз утонешь и перестанешь, — ответил-пошутил Изот. — Надо купить шары.

— Шары? — удивился Вадик.

— Да. По пути и купишь. Восемь шаров будет достаточно. Дай-ка приподниму. — Кораблёв обхватил Вадика и легко оторвал от земли. Поставил на землю. — Достаточно восемь. Ты, я думаю, не больше трёх портфелей тянешь.

— Прошлым летом в каникулы я на ведро с молоком тянул, — с гордостью заявил Вадик. — У тёти Моты в деревне.

Изот понял — Вадик имел в виду, что его вес у тёти Моти в деревне равен был ведру с молоком.

— Вот если бы ты молоко пил ведрами... — И Кораблёв критически оглядел приятеля. — Ничего, я тебя выведу в люди. — И совершенно обнадеживающе похлопал Вадика по спине.

— А может, лучше сперва молока в деревне попить? Я ведь перед лагерем могу к тёте Моте... — Зибкину явно хотелось отложить встречу с водоёмом.

— Поплывёшь — и всё, — ответил Изот. — И без тёти Моти.

На водоёме можно было наблюдать такую картину: худенький, зазубный мальчик в трусах и в очках лежал шепочкой на воде у берега. Над ним на верёвочках, привязанных вокруг живота, развевалось восемь цветных воздушных шаров. По колено в воде, тоже в трусах, стоял другой мальчик, но вовсе не худенький и не зазубный, одним словом тренер. Держал первого за ноги и явно ждал подходящего ветра, чтобы отпустить из своих рук это странное шароводоплавающее сооружение. Отпустить, как пускают в плавание модели кораблей. Изот Кораблёв, когда вырастет, конечно, будет строить корабли.

По какому-то велению или хотению «раздался» порыв ветра, и Зибкина едва не оторвало шарам от воды. Он не то чтобы поплыл, а едва не полетел.

— Держись за воду! — крикнул Изот.

— Чем? — успел спросить Вадик.

— Руками!

Зибкин хватается за воду руками. Но не очень-то ухватившись: ручек на воде нет, как на дверях, например.

— Крепче! И ногами цепляйся!

Вадик цепляется за воду и ногами.

К Кораблёву подошли зеваки. Это те, которым сейчас в парке делать нечего и они ходят туда-сюда и чем попало интересуются.

— Он что? — заинтересовался один. — Из космоса привоёнился?

— Надо было его сразу на якорь поставить, — посоветовала другая. — Унесёт теперь в пучину.

Кораблёв на пустые речи не откликнулся.

— Хватайся! Цепляйся! Плыни!

Шары несёт ветром, а шары вместе с ветром несут Вадика. Вадик уже не понимает, чем он хватается, а чем цепляется. Брызги, пузыри, взбаломученный песок, клочья водорослей — это Вадик цепляется и хватается водоём, чем придётся.

— Точно рассчитал, — удовлетворённо наблюдает Изот. — Три портфеля — восемь шаров.

— Он плывёт или тонет? — опять заинтересовался один из тех, кому в парке сейчас делать нечего.

Другой ответил:

— И то и другое.

— Поворачивай к берегу! — приложил Изот ко рту ладони, чтобы получился рупор. — На мой голос плыви! Слышишь? Сюда давай! Рули-выруливай! Причаливай!

А вырулил и причалил к Изоту на его голос маленький мальчик на трёхколёсном велосипеде. И конечно, трёхколёсный мальчик заинтересовался происходящим:

— Дядя, у вас шары улетели?

— Прилетят.

Шары действительно прилетели, прирулили, причалили. Изот отвязал Вадика от шаров. Оказавшись на суше, Вадик на четвереньках ошматочательно выбрался из воды, встряхнулся и дрожащим голосом произнёс:

— Кажется, не утонул.

— И не утонуешь, — ответил бодрым, твёрдым голосом тренер-наставник. — Ты на плаву. Водоизмещение. — В одной руке тренер держал связку шаров, а другой снял у Вадика с очков обрывок водорослей, чтобы Вадик лучше видел окружающий мир. — Одевайся.

Наконец всё в порядке: Зибкин в рубашке, в штанах и в ботинках. Готов следовать от водоёма по твёрдой суше. И тренер готов.

Взяли шары, причём один шар Кораблёв протянул трёхколёсному мальчику. И приятели зашагали по домам.

На следующий день всё повторилось — те же посетители в парке, тот же маленький мальчик с велосипедом, тот же Вадик Зябкин на поверхности того же водоёма и, конечно, тот же невозможный Кораблёр. Но только не то же количество шаров было привязано к Вадике: на один шар меньше, как и предполагалось по «теории шароводоплавания».

На этот раз Зябкину хватило семи шаров, чтобы не утонуть. Пронзило то, чего Изот Кораблёр и добивался, — Зябкин начал терять страх перед водой. Он теперь водоборолся, а не водобоялся.

На пяти шарах Зябкин впервые почти поплыл «в люди».

На трёх шарах Зябкин уже не почти, а просто поплыл, погрёб, забулбал, как парходный винт. Полный вперед! И

никакого теперь птита! Зябкин больше не боится воды. И в очках, и без очков. И вдали и вблизи.

А потом и вовсе заплыв: Вадим Петрович Зябкин один на один с водоёмом и без единого шара. Все шары теперь у маленького мальчика — привязаны к велосипеду: шаровелозовка. Но вернёмся к нашему Зябкину. Представляете себе — живой человек в пруду или в озере по собственной воле. И плывёт, и рулит, и купается! Надо учитывать — на планете воды больше, чем суши.

И Ваде Зябкину теперь что пруд, что озеро, что река, что море с океаном. Вадим Петрович Зябкин может теперь приводниться хоть из космоса, хоть ещё откуда. И не утонет. Ни разу!

Рис. В. ЧИЖИКОВА

СЕКРЕТНОЕ СЛОВО

С. ПОЛЕТАЕВ

Хозяйство у водовоза Кузьмича не-
большое: конь Серко, возок, кнут и боч-
ка на тридцать два ведра. И работа
нехитрая — обвозить водой механиз-
маторов: в прохладную погоду — один
раз, а в жаркую — два. Вёрст тридцать
приходилось давать, а то и побольше.

Иногда Кузьмич брал с собою внука
Ваську. Так веселее. Усядутся рядыш-
ком на передке, оглядываются на бес-
крайние поля и коротают время в раз-
говорах.

— Как думаешь, будем с хлебом? —
спрашивал дед.

— Будем! — обещал Васёк.

— А не врешь?

— Я врать не люблю, — говорил Ва-
сёк.

— Ну тогда поначальствууй. — И дед
отдавал ему вожжи, а это Васёку —
слаще мёда.

Как-то раз собрались в поездку, на-
лили в бочку воды, запрягли Серка, а
тут дед вдруг схватился за плечо и в
лице изменился.

— Что, осколок гуляет? — спросил
Васёк.

— Он самый, — кивнул дед. — С пой-
ны угомон его не возьмёт.

— А ты его обхитри, — посоветовал
Васёк.

— Это как же?

— Полежи, он и отстанет.

— Верно, — согласился дед. — Да
только кто же людям воды привезёт?

— А я на что?

— А справишься один?

— Ой, дед, не смейся! Что ж я, не ез-
дил с тобой?

— Ну ладно, езжай, — разрешил
дед. — Только, гляди, аккуратнее, чтоб
вода не расплескалась. Я маленько ок-
лемаюсь, а там с попуткой тебя догоню...

Пока конюшня виднелась, Васёк вёл
себя тихо, а как выкатил в поле, огля-
нулся — кругом ни души — и огрел кну-
том Серка.

— Но, убонше!

Конь шарахнулся влево, возок въехал
в пшеницу.

— Тпр-р-р-у-у-у! — заорал Васёк и
жиганул ещё раз. Да так, что скувыр-
нулся с возка, и пока догонял, Серко по
самую грудь зарылся в пшеницу и
схруживал там колоски.

— Вот я тебя, ёлки-берёзки! — раз-
ярился Васёк и замахнулся кнутом пе-
ред мордой.

Конь захрапел — и на дыбы, возок
попытился задом, утюжа пшеницу. Из
встречной машины водитель грозит ку-
лаком.

— Ах, чума тебя возьми!

Присмирел Васёк, съёжился и не ды-
шит, а конь на него никакого вни-
мания — хрумкает и толчет пшеницу,
как целая орда. Так и проторчали в по-
ле, пока на дороге не показался трак-
тор. Из кабины вышел дед, махнул
трактористу — езжай, а сам подковы-
лял к возку и забрал кнут у Васьки.

— Но, милый!

А конь — ни с места.

— Но, но! — прикрикнул дед.

А конь — ни в какую.

— Ну вот что, слазь! — сказал

дел. — Видать, совсем осердил ты его. Васёк скатился с возка, а конь упёрся и стоит, и дед ему не указ.

— С глаз его уберись!

Васёк спрятался за возок, и только тогда конь вышел на дорогу. Дед устоял на передок и поклатил, а Васёк следом бежит. Конь разогнался, Васёк приотстал.

— Дед, а дед, не гони так!

Дед сбавил ход. Васёк поравнялся с возком.

— Мне можно сесть?

— Не у меня, у Серка спроси.

— А он понимает?

— Всё понимает, только умечки надо просить.

Серко передёрнул ушами и фыркнул.

— Видишь, не хочет с тобой говорить.

— Дед, а ты сам попроси его.

— Ну ладно, только ты отвернись.

Дед сошёл с возка, пощелтался с конём и кивнул.

— Ладно, садись!

Васёк осторожно устроился рядом и замер, а дед взмахнул вожжами, и конь побежал, гулко возбывая копытами пыль.

— Что, от души поглумился над ним, признавайся?

— А чего он с дороги полёр? Обрадовался!

— А ты бы слово сказал, он бы тебя и послушал...

— Так и ему и так говорил разные слова.

— Слова, да видно не те. А ведь он секретное слово знает.

— Это какое же? — заинтересовался Васёк.

— Это у каждого своё. На то оно и секретное. Словом этим коню что хочешь прикажи — всё исполнит.

Серко замедлил шаг, прислушиваясь к разговору.

— А ведь Серко памятный конь...

— Это как памятный? — не понял Васёк.

— Я на Серко в Берлине в сорок пятом пришёл.

Васёк недоверчиво посмотрел на коня.

— Скажешь ещё! Его в сорок пятом на свете не было. Что ж я, дурбень какой, чтобы не знать?

Дед усмехнулся.

— Этого не было, зато уздечка на нём с того Серка. И характером похожие: обидчивые, зато отходчивые. Сколько тот Серко всего перевозил, страсти! Как услышит артиллерийский налёт, так ложится безо всякой команды. Отпустил я в госпитале бородащу, вернулся в часть, меня никто не узнал, а Серко сразу признал.

— Это как же? — удивался Васёк.

— А я слово секретное вспоминал.

Васёк ошеломлённо уставился на коня.

— А не врешь?

— Отродясь не врал. Ни людям, ни коням. И обидным словом не колод. У коня тоже душа есть и гордость своя...

Васёк присмирел и теперь испуганно-почтительно смотрел на Серка. А конь повеселел и бойко мчал по дороге, хвостом охлёстывая оглобли то справа, то слева. Вокруг насколько глаз хватало волнами ходила пшеница, вдали качалась шепочка комбайнов, и к небу тянулись колечки дыма. До стана оставалось совсем немного. Тогда Васёк изогнулся к деду.

— Ты придержи Серко, ладно?

— А что делать будешь?

— Я ему слово скажу...

— Секретное?

— Ага.

— Ну, валай!

Васёк спрыгнул с возка и подкрался к Серко. Конь покосился на него и опустил голову. Васёк приподнялся на носки и шепнул ему на ухо слово. Конь кивнул в ответ. Васёк радостно влез на возок и забрал у деда вожжи и кнут.

— Но, миленький!

И осторожно приподнял кнут. Серко тихо заржал, мотнул хвостом и сразу же перешёл на лёгкую рысь.

Рис. В. ЛОСИНА

В этом году отмечается 100-летие со дня рождения великого татарского поэта Габдуллы Тукая. Жизнь его была коротка и полна лишений. Всего 27 лет прожил он, но за эти годы успел написать множество замечательных стихов. Таких стихов, какие может создать только добрый и глубоко чувствующий человек. Писал он и для взрослых, и для детей. Для взрослых — это революционно-гражданские стихи, и стихи лирические, нежные и яркие, словно народные песни, полные любви к родному народу. А для детей — стихи весёлые и светлые, в которых всегда стоит рядом добро и справедливость. Наверно, поэтому стихи Габдуллы Тукая никогда не устареют. Нам хочется познакомить вас с некоторыми из его детских стихотворений.

Габдулла ТУКАЙ ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Кончилось время
Снега и льда.
Берег реки
Затопляет вода.

День удлинняется,
Ночь убывает.
Как это время,
Скажи, называют?
(инг эиннэзэ)

Тучные нивы,
Солнце печёт.
Пот по усталым
Лицам течёт.

В поле — жнецы,
В поле — косцы.
Прошу, объясни,
Что это за дни?
(инг эиннэз)

Поля опустели,
И ливни — рекою.
А это, скажи мне,
Время какое?

(инг эиннэз)

Река подо льдом,
Всё бело кругом,
Метелица вьётся...
Как время зовётся?
(инг эинниг)

Перевёл
с татарского
Виктор ЛУНИН

Рис. А. САЯДЯНЦА

РЕБЁНОК И МОТЫЛЕК

РЕБЁНОК

Мотылёк, как же так?
Не пойму я никак!
Целый день ты летал
И совсем не устал.
Расскажи, как живёшь,
Что ты ешь, что ты пьёшь,
Где твой мир, где твой дом...
Расскажи обо всём.

МОТЫЛЕК:

Я живу на лугах,
И в садах, и в лесах.
Я летаю весь день
В голубых небесах.

Солнца ласковый свет
Озаряет мой кров.
Мне еда и питьё —
Ароматы цветов.

Но живу я недолго —
Не более дня.
Будь же добрым со мной
И не трогай меня!

ЧТО ТАКОЕ АНОРИМ?

Юрий ПУХНАЧЕВ

— Мама, что такое алгоритм? — спросил Андрей, когда они вновь заговорили про информатику.

— Я объясню тебе, — пообещала мама. — Только ты, пожалуйста, не обижайся и не сердись.

Андрей удивился — при чём тут обиды?

Мама между тем продолжала:

— Помнишь, дедушка подарил тебе модель теплохода, которую склеил из бумаги. Ты так обрадовался сначала! Потом вдруг нахмурился: «А где же окна?» И показал на борт: «Здесь должны быть окна!» — «Иллюминаторы», — поправил тебя дедушка, взял модель, пошёл с ней на кухню, чтобы не сорить в комнате, и скоро вернулся. Он вырезал несколько иллюминаторов на одном борту и хотел спросить, не нужно ли ещё. А ты взглянул на них и рукой махнул — совсем не то, всё, мол, испорчено.

— Конечно, не то! Конечно, испортил! — перебил маму Андрей, который хмурился всё сильнее.

— Подожди, подожди! — Мама достала из шкафа дедушкину модель. — Ну-ка покажи мне на другом борту, где должны быть иллюминаторы.

— Вот здесь. И здесь, — показал Андрей.

— Так дело не пойдёт, — покачала головой мама. — Ты говоришь приблизительно, так не удивляйся, что твои просьбы будут выполняться тоже приблизительно. Но если ты хочешь, чтобы твои желания исполнялись в точности, задания тоже должны быть точными. Согласен?

— Согласен, — пробурчал Андрей.

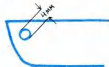
— Ну так слушай внимательно, — продолжала мама. — Теперь я могу ответить тебе, что такое алгоритм. Это точное, понятное, выполнимое задание. Оно наверняка ведёт к намеченной цели. Хочешь, я научу тебя составлять такие задания?

— Хочу! — вскинул голову сын. А мама, наклонившись к нему, сказала тихим голосом, словно по секрету:

— Вы вместе с дедушкой склеите новую модель корабля. Так давай составим алгоритм, по которому он сделает такие иллюминаторы, которые тебе хочется. Какого размера они должны быть?

Андрей сблизил большой и указательный пальцы, поглядел между ними на свет и сказал:

— Вот такие!

— Хороша точность! — воскликнула мама. — Дедушка опять не поймёт, чего ты хочешь. Учти: только точное задание может называться алгоритмом. Допустим, что диаметр каждого иллюминатора — четыре миллиметра. А где должны находиться их центры?

— Вот здесь, — Андрей опять было протянул руку к кораблику, собиравшись показать пальцем, но спохватился — взял карандаш и провёл по бумажному борту линию. — Я хотел сказать, вот на этой линии!

— Это другой разговор! — улыбнулась мама и уточнила. — А сама линия находится на расстоянии шести миллиметров от верхней кромки борта. Где же должен быть на ней, по-твоему, центр первого иллюминатора?

Андрей подумал-подумал и ответил деловым тоном, подражая маме:

— На расстоянии шести миллиметров от носа корабля.

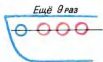
— Скажем точнее, от носовой кромки. А центр каждого следующего иллюминатора?

— На расстоянии восьми миллиметров от центра предыдущего.

— Я слышу разумные, точные слова! — обрадовалась мама. — Всё понятно. Всё выполнимо. Одним словом, всё чётко определено. Таким должен быть каждый алгоритм.

— Понятно! — кивнул Андрей.

— Это во-первых. Теперь представь, как будет выполняться твой алгоритм. Сделав первый иллюминатор, второй, за ним третий... Но ведь не может так продолжаться бесконечно!

— Да, — сказал Андрей после некоторого раздумья. — Всего должно быть десять иллюминаторов.

— Пусть так, — согласилась мама. — Рассказали, как делается второй иллюминатор, и добавили: повторить эти действия девять раз. Алгоритм обязательно должен указывать, на чём закончить работу и что считать её результатом. Это во-вторых. А в-третьих...

Мама взяла в руки модель, стоявшую перед ней на столе:

— Я не знаю, каким получится у вас с дедушкой новый корабль. Может быть, точно такой же. А вдруг он будет больше или меньше? Тогда ведь иллюминаторы диаметром четыре миллиметра окажутся не в меру крохотными или, наоборот, слишком крупными. Каким же должно быть наше задание, чтобы оно годилось для корабля любого размера?

Андрей растерянно пожал плечами. Мама взяла линейку, измерила высоту борта у корабля.

— Сто двадцать миллиметров. Диаметр нашего иллюминатора меньше... во сколько раз?

— В тридцать! — сообразил Андрей.

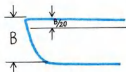
— Точно! Вот мы и подошли к третьей особенности всякого алгоритма. Он должен быть таким, чтобы с его помощью можно было решить не одну, а множество сходных между собой задач. Давай-ка не будем указывать размер иллюминатора, а скажем, во сколько раз он меньше высоты борта. Изменится эта высота, а наш алгоритм останется прежним и тем не менее всякий раз верным.

— Правильно! — подтвердил Андрей. — Теперь уж я точно смогу объяснить дедушке, как делать иллюминаторы на корабле!

— В школе тебя научат писать алгоритмы на совсем точном языке, — пообещала мама. — Этот особый язык называется алгоритмическим. Он понятен не только человеку, но и электронной вычислительной машине. В будущем тебе обязательно придётся обращаться за помощью к таким машинам. И если ты научишься выражаться точно и понятно, то люди будут тебе хорошими сотрудниками, а машины безотказными помощниками. А теперь давай запишем наш алгоритм на том языке, на котором мы разговариваем.

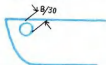
Вот каким получился алгоритм:

1. Провести прямую линию по борту корабля на расстоянии двадцатой части высоты борта от верхней его кромки.

2. На таком же расстоянии от носовой кромки взять точку на линии и провести окружность с центром в этой точ-

ке и с диаметром, равным тридцатой части высоты борта.

3. Отступить вдоль этой линии от центра предыдущей окружности в направлении от носовой кромки на расстояние, равное пятнадцатой части высоты борта, и провести ещё одну такую окружность.

4. Повторить пункт 3 девять раз.
5. Выполнить пункты 1—4 для другого борта.

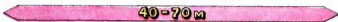
6. Вырезать дырочки по очерченным окружностям. Результат достигнут.

Рис. А. СЕМЁНОВА

● Корреспондент «Олимпиадика» Александр ДОРОФЕЕВ ●

ПРИГОРЯД

СТАРИННАЯ ИГРА

Лепта — прямая палка длиной около метра. Не так-то просто точно ударить лептой подброшенным мячиком. А от хорошего удара многое зависит в игре, которая так и называется — лепта.

Лепте куда больше трéскает лет. Она старше футбола, волейбола и баскетбола, вместе взятых. Старинная игра, но очень веселая.

Для лепты не нужна специальная площадка. Любая полянка подойдёт, лишь бы не было рытвин и кочек.

Играют две команды — от 5 до 20 человек в каждой. Одна команда в «городе», другая — «на поле». «Горожане» по очереди сбивают лептой иж. Ударил — и бег! во весь дух через «поле» — до «кюна» и обратно. Благополучно перебежав — твоя команда получит очко.

Но соперники-то в «поле» не дремлют, стараются как можно быстрее схватить мяч и осалить тебя. Если удалось, всей командой бросаются в «городе». Тут одна надежда — успеть осалить любого из игроков, пока ещё он в «поле». Иначе придётся твоей команде покинуть «городе» и водить.

Ну а каждый «полевой» игрок мечтает поймать «свечу» — высоко взлетевший после удара лептой мяч. Если поймашь «свечу», твоя команда спокойно переходит в «городе».

Так вот и меняются команды — то в «поле», то в «городе». Идёт игра до определённого счёта или на время. Побеждает команда, набравшая больше очков, — значит, её игроки больше раз сумели перебежать до «кюна» и обратно.

Если хочешь узнать старинные народные игры — «пуптёк», «котёл», «кюки», «штангера», «горелки», «волок во реку», «муза» и другие, — ПРОЧИТАЙ книгу В. Володченко и В. Юмашева «Выходи играть во двор».

А у нас с ребятами, помню, лепта была любимой игрой! Летом чуть ли не каждый день мы собирались на площадке за школой. Сначала, конечно, сговаривались. Капитанами были Паша и Витёк — лучшие игроки. Одна за другой подходили к ним пары.

— Самолёт или ракета?
— Курица или павлин?
— Чемодан или пальма?
Капитаны набирали команды.
— Зачем мне павлин? — размышлял Паша. — Лучше курица — проку больше!

А Витёк не раздумывал: «Ракета!», «Пальма!»

Паша, если его команда в «городе», всегда был первым. Но прежде примеривал лепту к рукам, взмазывал для пробы, рессая со свистом воздух. Бил он с плеча, с разворота, подождав, когда подброшен-

ный мячик на миг замрёт в воздухе. Ещё поглядит, бывало, за полётом мяча и меторопливо побегит. Конечно, после такого удара можно не спать — мяч-то за тридевять земель. Пока его подберут, пока перебросят в «поле»... Паша уже снова в очереди к подальщику.

Да, на Пашу можно положиться! Если у тебя удар не вышел, обожди в «пригороде». Пашина очередь подойдёт — тогда и бег! спокойно.

Совсем другое дело — Витёк. Ни к лепте, ни к мячу не примеривался. Вообще мог промазнуться. Мяч уже у соперников, а Витёк несётся через «поле» под самым их ко-

сом. Когда присядет, когда подпрыгнет. Вот он, Витёк, — руку, кажется, протяни! А мяч не попадёт. Верткий да прыткий! Озастятся «полевые» игроки за Витёком, а его товарищи в это время тоже через «поле» успеют прошныгнуть.

Такие это разные игроки — Паша и Витёк. Один основательный, на сама лепта, другой шустрый, стремительный, как лёгкий мячик.

Весело играть в лепту! Ни чемпионов, ни рекордов.

Просто игра!

Рис. О. ТЕСЛЕРА,
Э. БЕНЬЯМИНСОНА
Рис. В. СТЕПАНОВА

Рис. О. ЭСТИСА

ПРИДУМАЙТЕ РАССКАЗ ПО ЭТИМ КАРТИНКАМ